

doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-42-65

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОЕНИЯ ПРАВОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПОКОРЕНИЕ ИЛИ АБСОРБЦИЯ

Сигалов К.Е.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Институт проблем эффективного государства и гражданского общества
125993, Москва, Россия, Ленинградский проспект, 49

Актуальность статьи обусловлена тем, что право, как всё в природе и обществе, подчинено универсальным формам существования материального мира. При этом действие всеобщих характеристик объективной реальности, важнейших форм существования — пространства и времени — обуславливает понимание сущности и специфики становления права в различных регионах.

Первая задача статьи — выявление особенностей правового пространства. Пространство — это не только фиксация пребывания вещей, явлений, феноменов в определенной системе координат, но, прежде всего, это совокупность существенных взаимосвязей, способ их организации, «размер» влияния правовых средств на общественную жизнь и т.д. Благодаря пространственному позиционированию явлений друг относительно друга возможно понимание среды права как целостности, возможен общий язык и общие правила. Географическое пространство для человеческой истории, для общественной жизни является постоянно действующим условием среды, и к тому же почти неизменным. Однако общественная практика становится все менее зависимой только от этих условий. Человек на основе своей практики стремится изменить общественную жизнь и содержание культуры, чтобы сделать их более приемлемыми для себя. Разнообразие правовых систем обусловлено различными причинами. Природные и географические факторы, особенности цивилизационных технологий определяют различные условия и потребности жизни различных стран и сообществ.

Вторая задача — определение специфики правового времени. Время и право — фундаментальные категории гуманитарного знания. На первый взгляд, эти категории не совсем соразмерны: первая из них — категория, относящаяся ко всей неживой и живой материи, к социальным явлениям, а также и к познанию; вторая категория отражает форму существования исключительно социальной действительности. Тем не менее, в социальной сфере, и прежде всего в сфере нормативности, время и право вполне сопоставимы по той роли, которую они играют в жизни людей. Действие права сопряжено с действием времени, прежде всего потому, что в праве заложены варианты возможного поведения, являющиеся масштабом для его регулирования.

Сложность понимания категорий правового пространства и правового времени связана с необходимостью повседневного оперирования ими через субъективность восприятия этих категорий. Пространственно-временные характеристики буквально пронизывают правовую культуру и правовую жизнь, являются наиболее фундаментальными категориями, посредством которых человек воспринимает социальное бытие.

Ключевые слова: право; пространство; время; цивилизация; прогресс; Античность; Средневековье; Запад; Восток; абсорбция культуры

Пространство — символ моей власти.

Время — символ моего бессилия

Жюль Ланьо¹

I. ВВЕДЕНИЕ

Пространство, как и время, являются всеобщими материальными и духовными атрибутами бытия, формами освоения мира. Любой человек и любое человеческое сообщество выстраивают свою жизнь посредством пространства и времени. Эти категории воспринимаются как на уровне обыденного сознания, так и на уровне теоретического мышления. Однако они носят и нормативный характер (Meccarelli & Solla Sastre, 2016:3–24), ибо люди используют пространство и время в практике освоения природы, установления параметров своих отношений между собой, понимании собственного внутреннего мира. Незнакомое пространство и непознанное время воспринимаются человеком с осторожностью и опаской. Внешние формы проявления этих явлений и феноменов не во всем совпадают с их сущностью, а здравый смысл заставляет каким-то образом еще и соотнести и сопоставить их между собой, «закодировать» время в пространстве и пространство во времени. Б.А. Успенский пишет:

«...опыт восприятия пространства предстает как первичный в гносеологическом отношении; соответственно, он может определять восприятие времени — время может осмысляться как пространство. Пространство и время предстают в нашем сознании как соотносимые явления (категории, формы бытия). Они как бы изоморфны и могут быть уподоблены друг другу: так, в частности, если пространство наполнено предметами, то время наполнено событиями, и ориентация в пространстве (правое — левое) соответствует ориентации во времени (до — после), и т. п.; соответственно, они легко перекодируются друг в друга. Основная разница между пространством и временем² проявляется в их отношении к человеку как воспринимающему субъекту: пространство пассивно по отношению к человеку, тогда как человек активен относительно пространства; напротив, время активно по отношению к человеку, тогда как человек пассивен в отношении времени» (Uspenskii, 2002:42).

Познание этих двух важнейших категорий также различно, ибо пространство воспринимается непосредственно, а время — опосредованно. Поэтому че-

---

¹ Французский философ-спиритуалист (1851–1894).

² Люди всегда обожествляли и демонизировали время. Зевс начинает мифологический победоносный путь на Олимп с победы над своим отцом, жестоким Кроносом (Временем), пожирившим своих детей. Кронос олицетворялся с внешней силой, которую человек не может одолеть.

ловек вначале познает пространство, а время уже воспринимает через пространственные познавательные смыслы (Verle, 81–82)³.

Все события в мире происходят в пространстве, через которое осуществляются все контакты между субъектом и окружающей его среды. Все события в мире происходят во времени, люди и сообщества проживают время, оперируют им, основываясь на опыте прошлого для жизни в настоящем и предвидения будущего. Среда обитания и существование каждого субъекта взаимообусловлены и опосредованы, и только так может существовать социальный мир. Каждый социум владеет пространством и временем, но каждый распоряжается ими совершенно по-разному.

Пространство лежит в основе социального освоения окружающей действительности. Индивидуальный антропосоциогенез, с одной стороны, и коллективный антропосоциогенез предусматривает процесс «овладения» окружающим пространством и отдельной личностью, и социумом.

Первобытные племена и отдельный человек воспринимали окружающее пространство как мир, где проходит граница между безопасными и опасным, познанным и непознанным, своим и чуждым. Это пространство приходилось делить и с окружающим природным миром, порой враждебным и опасным, и окружающим социальным миром (соседними племенами) — столь же враждебным и опасным. Это пространство обладало зримыми и значимыми факторами принадлежности к кому-либо. Как животные «закрепляют» за собой определенную территорию, оставляя на ней свои метки, так и люди изначально старались закреплять «свои» территории непосредственного места жительства, сбора «даров природы», охоты, рыболовства, затем выпаса скота, и, наконец, сельскохозяйственных угодий, дорог, переправ через водоемы, а далее и мест добычи полезных ископаемых и производственного пространства. Эти территории надо было либо охранять от агрессивных набегов соседей, либо самим что-то у них отвоевывать, а также вступать в определенные договорные отношения территориальной принадлежности. Тем не менее, территория как пространство принадлежности изначально занимало важнейшее место в правовом и политическом регулировании отношений — как внутри социума, так и другими социумами. В то же время использование и охрана имеющегося, освоение и отвоевание нового пространства всегда были важнейшими факторами прогресса.

Мировой опыт дает несколько способов освоения пространства, когда завоевание или абсорбция занимают различное место во взаимоотношении с правовыми и политическими обстоятельствами жизни людей.

---

³ Некая архетипическая соотнесенность времени и пространства выражается в самой этимологии слова «время», восходящему к индоевропейскому *vert-/vort* и славянским словам «вертеть», «вращать». Отсюда и древнерусское слово «верста», обозначающее меру измерения, относящуюся как к пространству, так и ко времени, — как меру длины («верста»), так и меру длительности («возраст»).

II. АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Античная цивилизация, ее материальная и духовная культура, античный способ производства, сама античная ментальность всегда оказывали гигантское воздействие на генезис европейской культуры в целом, на ее становление, формирование и развитие. Тем не менее, многие параметры самого феномена **античного** в восприятии современного человека далеки от истины. Событиям, людям и отношениям Античности приписываются черты, для них не характерные.

Во-первых, несмотря на высокие достижения Античности, ко многим моральным, религиозным, философским, научным представлениям в эту эпоху относились просто не так, как это стало в эпохи последующие. С позиции современности рассматривать это как несовершенство контрпродуктивно, просто в «детстве мировой цивилизации» по-другому и быть не могло.

Во-вторых, классическая европоцентричная историография в силу различных причин подходила даже к «зачислению в Античность» весьма избирательно. Скажем, история Древней Греции и Древнего Рима изучена обстоятельно, скрупулезно, но в то же время и несколько дискретно. Например, Афины изучены лучше, нежели малые полисы, а история Финикии, Карфагена просто зияет лакунами. Собственно начало «стиранию памяти» о Карфагене положили римляне, извечные антагонисты карфагенян. Действительно, осталось значительно меньше свидетельств о карфагенской цивилизации, нежели о римской. Причем многие карфагенские артефакты были просто сознательно уничтожены. Принадлежность или непринадлежность ряда средиземноморских и малазийских стран и регионов (Лидия, Мидия, Киликия, Фригия, Пергам, Палестина) (Mansuelli, 2007:82–97)⁴ к античной цивилизации также вызывает вопросы.

В-третьих, в Античность исследователями «встраиваются» феномены, присущие более поздним эпохам. Писатели, художники, теологи, философы, правоведы, историки, политологи, а позднее и кинематографисты воспринимали и изображали античность так, как именно они ее понимали в контексте проживаемой и переживаемой ими актуальной эпохи, в соответствии с представлениями именно этой эпохи о современном им государстве и праве, с ее (этой эпохи) моральными проблемами, этосом, лексикой, технологиями, вооружением и т.п. Это порождало и продолжает порождать в массовом сознании представления, весьма далекие от действительности. Следует заметить, что такое же восприятие прошлого характерно и для других эпох. Ни один ученый не может быть уверен, что именно его представление о прошлом является истинным.

---

⁴ См.: Словарь античности. М. : Прогресс, 1989. С. 315–316, 353, 406–407, 422–423, 617.

Тем не менее, с рядом феноменов, характеризующих Античность, соглашаются почти все исследователи. Античность — это колыбель европейской цивилизации, и многое из того, что было заложено в те далекие времена, продолжает, так или иначе, формировать социальные параметры жизни европейцев. Именно в античности был заложен фундамент современной демократии (Wollheim, 1958), современного представления о самоуправлении, о праве, государстве, а на ее излете — и о христианстве как ведущей религии Запада (Wieacker, 1990:1–29).

Античная цивилизация формировалась на базе более ранних восточных цивилизаций (Древний Египет, Ассирия, Вавилон, Персия и др.), но в определенной мере в противостоянии им. Всеобщая восточная кабала, под гнетом которой находились все подданные верховного правителя (который был «по совместительству» владельцем всего сущего, верховным военачальником, главным жрецом, а часто и живым воплощением божества) была заменена античным рабовладением, которое, кстати, не было и экономическим базисом общества. В Древней Греции государственное устройство и даже первоначальное античное право было принципиально другими. Республики соседствовали с монархиями, но, в отличие от Востока, древнегреческий *басилевс* или римский *рекс* были первыми среди равных, а не живыми богами.

«Древнеперсидской монархии — варварской организации — противостоял греческий полис. Он был создан именно в архаическую эпоху, хотя его организация разрабатывалась медленно и тщательно, вплоть до внешнего устройства и городских планов, вслед за стадиями аристократической организации, и более или менее продолжительного опыта тирании. Архаическая эпоха стала во всех отношениях самой свободной и счастливой в длинной истории греческого народа» (Mansuelly, 2007:80).

Для Античности было характерно впитывание чужого и абсорбция нового в своей среде, заимствование всего лучшего, накопленного восточными цивилизациями. При этом греки и римляне все же были свободными людьми, в их менталитете преобладали совершенно иные формы восприятия мира: в Античности отказались от чрезмерной сакрализации оснований научных сведений (в математике, физике, гуманитарном знании). Даже верные, но догматические и бездоказательные основания научного знания обрели форму доказываемых теорем, поскольку значительный объем знаний требовал обязательной верификации. Агон, борьба равноправных сторон оказалась в центре мироощущения. Различные соревнования и игры (Олимпийские, Пифийские, Истмийские, Немейские) были важным фактором социальной жизни. Это могло иметь место только в обществе свободных и равноправных людей, чьи права регулировались уже не только волей верховного правителя, а правом и государственным устройством целого ряда государств-полисов. Политическая и экономическая свобода сформировала совершенно иную форму государственности. Центром политического и экономического пространства стал город, вокруг которого фор-

мировался полис, а сам урбанизм породил и новое отношение к принимаемым законам, самому праву⁵.

В ментальном представлении Античности «золотой век» остался в прошлом, рассчитывать на то, что вернутся прежние, благополучные и «добродравные» времена уже не стоило — все образцовое осталось в прошлом. Однако «темпоральный круговорот» также не приобрел аксиологической значимости. Представления древних греков о прогрессе не коррелировались с рожденной ими же диалектикой, они считали и самих себя, и собственное социальное полисное устройство самим совершенством, а потому и не прилагали особых усилий для создания развитого права (Науек, 2006:53–72)⁶. Собственно кризис полисной системы во многом был обусловлен тем, что древние греки явно переоценили ее значимость и социальные возможности. Древние римляне были более прагматичными: для них линейное, восходящее восприятие мира составляло суть постоянного обновления. Преодолев полисную парадигму, Рим выстроил новые параметры социальности и абсорбировал все интеллектуальные достижения Средиземноморья⁷, что позволило создать величайшую мировую ценность — римское право. Новая социально-экономическая реальность породила и принципиально новую государственную концепцию, которой Античность прежде не знала. Рим становится империей, сверхдержавой, и обоснование значимости этого правового и социокультурного феномена становится важной идеологической задачей. Наличие совершенных законов предусматривало возможность «управления временем» — будущим начинают овладевать за счет антиципации⁸ — предвидения событий.

Греки, римляне, финикийцы, карфагеняне экспериментировали с различными вариантами освоения пространства, находившегося за пределами полиса — завоевание чужих территорий и колонизация пустующих земель. Преобладание талоссократии⁹ или теллурукратии¹⁰ в развитии конкретного государства было обусловлено целым комплексом социально-экономических и политических обстоятельств¹¹. В дальнейшем именно античное пространственное восприятие мира как закрепление «за собой» осваиваемых территорий, установле-

⁵ Город — это пространство права, деревня — пространство традиции.

⁶ По их мнению, представление о «космосе» и «таксисе» как стихийном и организованном порядке было вполне достаточным.

⁷ К наиболее значимым относятся иудейское религиозное право, греческая философия и монотеизм, ставший одним из основополагающих принципов христианства, а затем и ислама.

⁸ От лат. *anticipation* — предвосхищение.

⁹ Освоение морского пространства вследствие недостатка земельных ресурсов или особенного географического положения.

¹⁰ Освоение материковых пространств, завоевание и присоединение сопредельных территорий.

¹¹ В дальнейшем именно античное пространственное восприятие мира как «освоение» новых территорий, установление на этих территориях именно своего права и своей государственности стало основным трендом западной цивилизации.

ние на них своего права и своей государственности стало преобладающим для западной цивилизации. Упадок Античности также имел пространственную составляющую. С одной стороны, невозможность имеющимися ресурсами контролировать огромные территории и несоответствие ментальных амбиций правящих элит военным, экономическим, правовым, духовным и политическим возможностям организации внутренней политической жизни привели к внутреннему кризису Римской империи. С другой стороны, перемещающиеся в пространстве волны варваров-завоевателей, создали новую геополитическую реальность, в которой прежней римской государственности было уже уготовано другое место.

III. ФЕОДАЛЬНАЯ ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

После заката Античности на Западе возник феодальный мир Средневековья. «Феодализм окончательно сформировался в атмосфере последних варварских натисков. Для этого общества характерно замедление общественной жизни, почти полная атрофия денежного обмена» (Bloch, 2003:431). Европейский Запад выстроил свое восприятие права через темпоральные и пространственные феномены, как основываясь на достижениях Античности, так и на собственном, в первую очередь христианском, восприятии мира. Сокрушив и завоевав Римскую империю, европейские варвары создали на ее пространстве новый мир. Многие были разрушены, и только затем с величайшим трудом воссозданы. Но многое было и создано. Г.С. Померанц обращает внимание на значимость внутренних интенций Средневековья:

«На первый взгляд — просто погром. Но, в конечном счете — основание новой цивилизации — отмечает он, — Варварство — вовсе не нуль культуры. Это культура, сильная своей недифференцированностью (т.е. целостностью). Не будь варваров — остался бы Рим единым римским народом, усталым и порочным как Византия... От варваров идут и национальная структура Европы (поддержанная католической церковью), и суд присяжных, и вольности общин, из которых выросла современная европейская демократия» (Pomerants, 1995:303–304).

Земледельческая цивилизация Европы сделала земельную собственность основной ценностью, поэтому все правовые и социально-политические отношения, так или иначе, были связаны с пространственным позиционированием человека на той или иной территории, с правами и обязанностями, обусловленными тем, что он в этом пространстве располагается, занят тем или иным делом, к этому пространству «привязанным»: владеет этой землей, охраняет эту территорию, передвигается по этой территории, возделывает эту землю, арендует ее для определенных целей и т.д. Ограниченность западноевропейской территории предусматривала в геополитическом отношении строгость границ, в правовом отношении — точность правоотношений, в цивилизационно-

технологическом — продвижение «вглубь», т.е. постоянное развитие земельных отношений, как организационно-правовом, так и в технологическом смысле (т.е. повышение производительности труда, развитие агрокультуры, новой техники и т.д.).

Средневековые войны в Западной Европе были войнами принципов, захвата ресурсов, подчинения интересов. Убийство владельца земли ничего не давало захватчику. Кроме религиозного и морального осуждения вследствие нарушения рыцарского кодекса чести¹² всегда находился наследник, претендующий на выморочные земли, а верховная власть вмешивалась в отношения собственности с большой осторожностью. Да и сами правители четко разделяли свою собственность и собственность своих подданных, тот факт, что они были королями, не позволял им покушаться без должных оснований на жизнь, свободы и собственность своих подданных¹³.

Постоянный передел территорий шел на протяжении всей средневековой истории. Европейцы ожесточенно воевали между собой, отстаивали свои территории от различных агрессоров, часть из которых занимали европейские земли и становились европейцами (норманны, венгры), часть — оставались постоянной угрозой Западной Европе (арабы, турки). Испанцы и португальцы в почти восемь столетий вели Реконквисту, отвоевывая Пиренейский полуостров от мусульман. Народы Центральной и Южной Европы с переменным успехом боролись с турками, дважды пытавшимися взять штурмом Вену, и берберскими пиратами, опустошавшими Южное европейское Средиземноморье и сделавшие его почти безлюдным¹⁴. Но столь же постоянным было и стремление европейцев к заморской колонизации. До конца XV в. эти усилия не выходили за пределы европейского и средиземноморского пространства — завоевания крестоносцами Палестины, захват Византии, колонизация Далмации и анклавов черноморского побережья.

---

¹² Рыцари не убивали своих пленных врагов, и тем более не покушались на жизнь членов их семей, как это делали, например, японские самураи — выгоднее было получить выкуп, да и ситуация могла измениться и вчерашний пленник мог оказаться хозяином положения, кроме того можно было совершенно по-другому покуситься на собственность пленного: вытребовать у него руку близкой родственницы с частью земли в виде приданого.

¹³ «И короли должны соблюдать законы» — вытребовали бароны у короля Иоанна Безземельного в Великой Хартии вольностей.

¹⁴ В рабство мусульманским пиратам попало до полутора миллионов европейцев. Характерно, что в их рядах находилось много европейцев-ренегатов. От набегов берберийских пиратов страдали не только страны южного Средиземноморья, но и жители Англии, Нидерландов, Франции, Ирландии, скандинавских стран, включая даже Исландию. Предпринятые только в начале XIX в. военные экспедиции ряда европейских держав и даже США сделали мореплавание в Средиземноморье безопасным. В свете всего этого вселенский плач об угнетении Западом «несчастливых арабов» представляется, мягко говоря, избыточным. Тотальное доминирование Запада — это достаточно позднее явление, возникшее в XIX в. в огромной мере с устранением постоянно нависающей над Европой угрозой открытого разбоя.

В исключительно теоцентричном христианском Средневековье люди полагали, что «время — лишь момент вечности. Оно принадлежит одному Богу и может быть только пережито. Овладеть временем, измерить его, извлечь из него выгоду считалось грехом. Урвать от него хотя бы частицу — воровством» (Le Goff, 2005:200). Поэтому в раннем Средневековье отношение к времени было весьма настроженным. Проблема времени в раннем Средневековье коррелируется с проблемой собственности. Время еще не принадлежало человеку. Тем не менее, представление об изначальной греховности человека, о преступном деянии, тем более относительно Божественного промысла уже сформировалось. Античное представление о линейном и непрерывном развитии времени сохранилось, но это развитие происходило по нисходящей.

Классическое и позднее Средневековье породило иной тренд, обусловленный признанием ценностей частной собственности, свободы личности, отстаиванием собственного достоинства, возможностью постоянного обновления. Было признано, что право — это не только государственный инструмент, но возможность отстаивать личные права и свободы. Все эти ценности Античности медленно, но верно, внедрялись в сознание человека. Время, наконец, становится «собственностью» человека — правда не каждого, а только свободного. Время стало правовой категорией, предметом договора в трудовых и обязательственных отношениях¹⁵. Но время в сельской местности (при занятиях сельскохозяйственным трудом) и время в городе (при занятии ремеслами и торговлей) обладало разной пластичностью, различной текучестью, опиралось на различные основания производственных циклов. В первом случае оно в большей мере опиралось на природные циклы, во втором случае — на социальные циклы. Именно тогда изменилось отношение и к ростовщичеству — возможности давать и получать кредиты. Прежде это было покушением на промысел Всевышнего, на возможность «распоряжаться временем». Давать деньги в рост в средневековой Западной Европе могли только евреи, изначальные грешники в представлении европейцев. Понадобилась длительная правовая работа, специальные папские энциклики, которые если и не стали считать ростовщичество богоугодным делом, то, по крайней мере, исключили это занятие из сферы запретных для христиан дел. Ганзейцы, флорентийцы, ломбардцы и даже тамплиеры тут же с блеском доказали, что они могут прекрасно «распоряжаться временем», обирая своих единоверцев еще эффективнее, нежели это делали евреи. Ростовщичеством стали заниматься не только бюргеры, но и рыцари, и знать.

---

¹⁵ Не случайно именно в это время в Западной Европе появляются и получают большое распространение механические часы — символ освоения времени. В центре западноевропейского города на башне ратуши всегда были установлены часы. Они носили не только культовый и символический характер — по часам определялись ритмы города, включая и трудовые, устанавливалось продолжительность рабочего времени, т.е. определялись трудовые и гражданские права горожан.

Как ни парадоксально, но именно урбанизация принесла западноевропейскому Средневековью реальный импульс к развитию. Западноевропейские города имели особый пространственный статус, это были островки республиканизма в монархическом море, островки свободы в океане деспотизма (Le Goff, 2007:156–172). Собственность здесь была реальной, хозяйство развивалось более динамично, реально ощущалась сила и власть денег, городские купеческие и ремесленные корпорации породили местное самоуправление и основы гражданского общества, развивались университеты, а средневековое городское право стало прообразом современного права:

«Торгово-промышленная деятельность была немыслима без должного правового регулирования, и именно в городах складываются и развиваются новые юридические нормы и принципы, отвечавшие потребностям бюргерства. Эти принципы существенно отличались от принципов феодального права, и если в последнем преобладали вертикальные связи, отношения господства и подчинения, то в сфере действия городского права особую роль приобретали связи горизонтальные — правоотношения между согражданами» (Gurevich, 2005:155–156).

Отношения с пространством в западноевропейском Средневековье также становятся все более и более правовым. Пространство — это в первую очередь территория, земля, которая была собственностью, которая на разных условиях закреплялась за конкретным человеком, была условием его службы, феодальных иерархических отношений, положением собственника в государстве и гарантиями верховного правителя.

Поскольку западноевропейская земледельческая цивилизация предусматривала весьма строгое и точное отношение к основному виду средневековой собственности — к земле, наследованию территорий, различия в правовой регуляции могли привести к серьезным противоречиям¹⁶. Но главное состояло в том, что совершенно по-другому стало организовываться собственное, личное правовое пространство, позволяя отстаивать свои интересы, Человек был вынужден активно отстаивать свои интересы, регулировать те аксиологические отношения, которые составляют смысл его жизни.

«Базовая система ценностей, побуждавшая сынов Западной Европы создавать своей деятельностью известные нам институциональные порядки, состояла из трех важнейших аксиологических компонентов. Каждый из этих компонентов выполнял в рамках упомянутой ценностной системы соответствующую его аксиологической специфике функцию. Активная (в первую очередь практическая) деятельность, направленная на преобразование ок-

---

¹⁶ Например, Эдуард III предъявил свои законные права на французский престол как внук французского короля, но и Филипп де Валуа царствовал законно по уложениям «Салической правды», это привело к династическому кризису и конфликту между двумя теоретически законными претендентами. Результат — Столетняя война.

ружающей (в том числе социальной) действительности, становилась *смыслом* существования для человека; реализация личных интересов являлась для него *целью*; а жизненный рационализм — *средством*, которое необходимо было использовать в качестве механизма решения любых встречающихся перед человеком социально значимых проблем» (Podvoisky, 2005:80–81).

Геополитическая юридикто-династическая картина западноевропейского пространства обусловлена сложными обстоятельствами становления государственности, борьбы с иноземными захватчиками, географическими и природными особенностями регионов, ментальности этносов при формировании самоидентичности, а также династическими браками. При этом одни регионы остались провинциями, а другие стали независимыми государствами.

После завершения Реконкисты западноевропейские притязания на чужое пространство приобрело другую направленность. Собственно изменилось и соотношение теллуократии и талассократии: конфликты перенеслись за океаны, когда различные страны начали ренессансный прорыв в чужое пространство и жесткое навязывание своей воли другим народам под различными основаниями. Англичане покупали новые земли за стеклянные бусы и дешевые побрякушки, формально совершая «справедливую» куплю новой территории. Испанцы и португальцы приобщали «неразумных» аборигенов к христианской вере, французы «осчастливливали» туземцев тем, что теперь они становились подданными их короля. А когда была устранена опасность, исходящая от берберийских пиратов, доминирование европейцев стало глобальным.

Западная цивилизация распространила свое влияние по всему миру, при этом сам термин «Запад» имеет уже не географическую, пространственную коннотацию, а предусматривает определенный цивилизационный смысл. «Сейчас термин «Запад» повсеместно используется для обозначения того, что раньше именовалось западным христианством. Таким образом, Запад является единственной цивилизацией, которая определяет себя при помощи направления компаса, а не по названию какого-либо народа, религии или географического региона» (Huntington, 2005:58).

IV. ЦИВИЛИЗАЦИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Русское Средневековье — это особый мир. Здесь отсутствовал классический феодализм, феодальная иерархия, подобная западноевропейской, тоже отсутствовала. Зато долгое время на Руси преобладала весьма специфическая государственно-правовая форма наследования — лествичное право, провоциро-

вавшее междоусобицы¹⁷. «Постоянное передвижение князей со стола на стол и сопровождающие его споры роняли земский авторитет князя... Он приходил и уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой» (Klyuchevskii, 1987:200).

Однако и после отмены лествичного права западная система пространственного позиционирования государственности прижиться вряд ли смогла бы.

На Руси развитие «классической» государственности тормозилось в силу ряда причин. *Во-первых*, всегда на Руси частная собственность была весьма условной, обладание ей было обусловлено, в первую очередь, волей правителя, отсюда и весьма специфические отношения в системе «власть–подчинение». *Во-вторых*, Русь располагалась в пространстве сложных природно-климатических условий, рискованного земледелия, суровой длительной зимы и жаркого лета. С одной стороны, это позволяло весьма скромно жить в условиях самообеспечения за счет внутренних ресурсов, с — другой, заставляло прибегать к пространственной автаркии. Контакты с соседями были скорее «настороженными» и фрагментарными, военных конфликтов было гораздо больше, нежели цивилизационного интеллектуального заимствования. В-третьих, восточнославянские племена, занимали территории, которые были ранее либо вообще неосвоенными, либо были заняты племенами, стоявшими на более низкой ступени развития. Германцы, западные и южные славяне приходили на территории, ранее уже занятые и колонизированные греко-римской античной цивилизацией. Этого «подарка судьбы» Русь не получила, а контакты с Византией и другими государствами со сформировавшейся государственностью и действующими правовыми институтами были опосредованными, носили сложный и противоречивый характер. *В-четвертых*, роль общины как универсальной социокультурной, организующей и фискальной единицы была настолько велика, что компенсировала деятельность многих несовершенных государственных институтов. Это создавало иллюзию отрешенности от власти и блокировало развитие государственности.

Сама природа российского государства всегда была отлична от западной, что нашло свое отражение и в языке. В русском языке слово «государство» вос-

---

¹⁷ Лествичное право — способ княжеского престолонаследия в Древней Руси. Согласно лествичному праву на всем пространстве Древнерусского государства правила одна династия Рюриковичей, старший из которых занимал великокняжеский престол в Киеве, а младшие княжили в других русских землях, в менее крупных городах, в менее богатых княжествах. Великому князю наследовал не его сын, а следующий по старшинству, и тогда все князья перемещались из одной земли (менее значимой) в другую (более значимую). Конкретный князь не считал себя «привязанным» к конкретной русской земле и особо не заботился о ней, ибо его заветной мечтой и целью был Киевский великокняжеский престол. Женщины не могли наследовать власть. Любечский съезд князей (1097 г.) ограничил перемещения князей в пределах владений их отцов, а с конца XII в., был окончательно установлен удельный порядок владения, при котором отцу наследовал сын.

ходит к «государю», термину частнопрововому, собственнику рабов и вещей. Западные обозначения государства (английское *state* или французское *l'etat*) являются публично-правовыми понятиями, обозначают «состояние, упорядоченность». В английском языке слово «власть» (*power*) означает также и могущество. Русское слово «власть» восходит к глаголу «владеть». Западные государства уже в раннем Средневековье четко разделяют публичную власть государя и его частную собственность: «*imperium* и *dominium*». В русском языке понятие «правление» семантически восходит к «правителю» как государю, единолично осуществляющую публичную власть. На Западе — “*government*” (в английском языке) или “*gouvernement*” (во французском), это только система административно-бюрократического управления.

На Руси отношение к собственности принципиально отличалось от западного — все принадлежало правителю, который мог пожаловать собственность своему слуге, а мог и забрать ее назад. Свобода отсутствовала в принципе, ибо даже высшие сановники были всего лишь слугами великого князя, а затем царя. Города были военно-административными центрами, экономическая и торговая составляющая была в них вторичной. Столь же вторичным феноменом было и право, ибо практически все полагались на авторитет правителя, административный ресурс и военную силу.

Русское государство — типичная теллутократия, поскольку оно развивалось «вширь», за счет освоения гигантских пространств, покорения различных племен и народов. При этом перемещались в пространстве наиболее свободолюбивые, предприимчивые люди, пассионарии. Часто это были беглые крестьяне, бунтари, преступники, не желавшие находиться в зависимости ни от господ, ни от государства в целом. Именно они составили основу казачества, которое осуществило удивительную ментальную метаморфозу, касающуюся пространственного позиционирования. Заселяя окраины Русского государства, сдерживая агрессивных соседей-кочевников, казаки из бунтарей и оппозиционеров центральной власти превратились в первопроходцев освоения новых территорий, охранителей государственности от «внешнего и внутреннего врага».

Однако не только «огромность» русского пространства характеризовала особенности русской государственности. Расцвет Гардарики — «страны городов» был во многом обусловлен тем, что для европейцев реально были выгодны экономические отношения с Русью, а торговый путь «из варяг в греки» был наиболее безопасным способом контактов с Византией и Востоком. Падение Константинополя в 1204 г., временное католическое доминирование на Востоке, жесткое отстаивание своих экономических и политических интересов западноевропейскими талассократиями — Венецией и Генуей, а затем и усиление позиций исламского мира принципиально изменили геополитическую ситуацию, сузив экономические возможности Руси. Наряду с феодальной раздробленностью и слабой технологической базой это стало одной из причин поражения в столкновении с монголами. Монгольское нашествие не только надолго затор-

мозило развитие Руси, но и превратило страну в абсолютную автаркию¹⁸ с деспотическим монгольским стилем управления.

Русь-Россия имела шанс испытать еще и проблемы с западными соседями после освобождения от монгольского ига, однако «геополитическое счастье» оказалось в этот раз на ее стороне. Открытие Америки Колумбом в 1492 г. способствовало тому, что огромная масса крайне агрессивных безземельных идальго из Испании и Португалии, которые умели только воевать, направили свою необузданную энергию за океан. Англия, Франция, а затем и другие западноевропейские страны старались не отставать. Запад посчитал, что следует направлять свою энергию на освоение Америки, Африки, Азии, а не в сторону поднимающейся с колен России. В дальнейшем такие геополитические факторы, как яростные религиозные войны между католиками и протестантами, постоянное противостояние трех «сверхдержав» — Швеции, Польши и Османской империи — практически нейтрализовали агрессию Запада в направлении России. Однако постоянные агрессивные устремления самих этих ближних соседей, которые не были самыми сильными партнерами в западноевропейской геополитической игре, чуть было не привели к падению Руси-России и разрушению самой российской государственности. Пережив Смутное время, утерев огромные территории и сменив династию, Русь-Россия выстояла в этом военном и геополитическом противостоянии. Расширение пространства, отвоевание своих и приобретение новых территорий на западе и юге носило первоначально исключительно теллурократический характер, а потому не могло иметь большую эффективность. Петр I приложил немало сил для создания российского флота, но реальное освоение морских пространств началось только с конца XVIII в.

Покоряя огромные пространства, населенные народами с различной степенью цивилизованности, Россия была вынуждена «вбирать» их в свое политическое, правовое, культурное и духовное пространство. Происходило это с различной степенью результативности и военно-политической эффективности. На Северном Кавказе война шла почти полвека, крайне непросто складывались отношения с Польшей, крепостная зависимость значительной части русского крестьянства и «черта оседлости» для евреев были позорным явлением для России вплоть до начала XX в. Но, тем не менее, со временем в России сложился уникальный опыт совместного относительно мирного проживания в едином социально-экономическом и политико-правовом пространстве народов с различными религиями, находившихся на разном уровне идейно-интеллектуального развития, просто обладавших различным менталитетом.

---

¹⁸ Автаркия (от древнегреческого *αὐτάρκεια* — самообеспеченность, самодостаточность) система социальной, духовной и ментальной замкнутости, а также самостоятельного экономического воспроизводства с минимальными контактами с зарубежными странами и минимальной зависимостью от экономического обмена с внешней средой.

V. МУСУЛЬМАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мусульманский мир столь же уникален и неповторим, как и христианский мир Европы. Но если Западная цивилизация в своей основе имела земледельческую, оседлую программу, а варвары-завоеватели принимали культуру и религию завоеванных, то вся цивилизационная логика поведения кочевников была принципиально иной. Для мусульман занятие новой территории означало покорение — тотальное подчинение всех завоеванных, уничтожение язычников и снисходительное отношение к иудеям и христианам как монотеистам за определенную плату. Так же как и на Западе, код развития мусульманской цивилизации обусловлен производственно-технологическими процессами. Однако в отличие от земледельческой цивилизации он сопряжен с кочевыми алгоритмами жизни, экстенсивной производственной технологией, интенцией к перманентной агрессии. Кроме того, город там не играл такой роли как на Западе и внутренние конфликты «оазис — степь» во многом обуславливали развитие мусульманских государств. Характер собственности на Востоке всегда существенно отличался от западного, публично-правовые отношения довлели над частноправовыми. Право было принципиально иным — оно было исключительно религиозным, а все отрасли права по сути дела были растворены в государстве. Совершенно по-другому в мусульманском мире, впрочем, как и везде на Востоке, относились ко времени. Его сущность, течение и точность ценностями не являлись. Наследие Античности и знания, полученные учеными мусульманского Средневековья, никак не отразились на обыденном сознании и восприятии времени на бытовом уровне. В традиционном исламе бытует представление о «пучках времени», согласно которому оно имеет альтернативный, возвратный характер. Можно легко относиться к нормативности не только во времени, но и в договорных отношениях, можно опаздывать на деловые встречи. Собственно и ход истории в целом, и ход отношений с соседними государствами, социальными структурами и деловыми партнерами может носить альтернативный характер. Точность во времени нужна была только в одном случае — в установлении времени молитв. Сегодняшнее восприятие времени и права в арабско-мусульманском мире во многом изменилось, а мусульманский банкинг и мусульманский бизнес в высших сферах приобрели очень интересный характер, но традиции на уровне обыденного сознания продолжают оказывать свое влияние.

На Востоке прогресс никаким образом не коррелируется со временем, отношение к прогрессу, линейному восходящему времени и развивающемуся вслед за социально-экономическими отношениями праву было негативным. Так, суннитами было установлено, что мусульманское право после X в. уже развиваться не может («закрытие врат иджтихада»). Отсюда и жесткий консерватизм, неприятие новшеств.

Осторожное обращение к правовым новациям начинается не ранее XIX в. (франко-османское право), и то вследствие внешнеполитических обстоятельств

и вынужденного признания необходимости внутренних перемен. Уильям Мак-Нил отмечает, что обращенный по своей сути в прошлое характер мусульманского права и обрядовой системы предрасполагал мусульманский мир к негибкой позиции (McNeill, 2004:814). Агрессивные номадические цивилизации идеологизируют пространственно-временные параметры. В традиционном мусульманском правосознании пространство не принадлежит никому, границы условны. В пустыне, в песках также нельзя провести границу, как и в море, полагали мусульмане. Многие границы между мусульманскими государствами были проведены при дипломатическом и техническом содействии Запада уже в XX в., до этого считалось, что необходимость в демаркации отсутствует.

Урбанизм не имел в мусульманском мире того значения, которое он приобрел на Западе. Из трех групп мусульманского населения — кочевников, земледельцев и горожан — в классическом исламе первоначально доминировали первые. Именно кочевники задавали геополитический тренд и очень часто становились родоначальниками гигантских мусульманских империй. Для этих империй урбанизм имел другое, нежели на Западе, основание: город-оазис был местом отдыха-стоянки, это был военный лагерь или крепость, куда стягивались различные силы для дальнейшей экспансии. Но очень быстро эти оазисы, а затем и города, завоеванные у «неверных», становились центрами власти, религиозной и светской культуры, торгово-экономических отношений.

Хотя города и не имели такого значения как на Западе, тем не менее, они поддерживали баланс в отношениях между городскими жителями, сельскохозяйственным населением и «бедуинизированной» степью.

Между талассократией и теллурократией мусульмане выбирали второе. В позднем Средневековье даже для хаджа нанимались испанские и португальские корабли, но не использовались свои. Осознание значимости талассократии пришло в мусульманский мир довольно поздно. Прославленные адмиралы Османской империи учились у европейцев, а часто просто были европейскими моряками, оказавшимися на службе у мусульман в силу различных причин. Только наличие в рядах берберийских пиратов ренегатов-европейцев, ставших опытными мореплавателями, позволило агрессии распространиться далеко за пределы Средиземного моря. В своих агрессивных устремлениях берберийские пираты достигали даже берегов Исландии, нападали на торговые суда молодых Соединенных Штатов Америки, что спровоцировало Берберийские войны — первые войны американцев за пределами своей страны. Призывы западноевропейской общественности и решительные действия американских моряков¹⁹, разрушивших пиратскую инфраструктуру Алжира, Триполи, Туниса и других

---

¹⁹ Разумеется, огромная заслуга в ликвидации берберийского пиратства принадлежит Стивену Декейтеру — иконе американской военно-морской истории, национальному герою США.

пиратских гнезд, положили конец морскому разбою мусульман в Средиземноморье.

VI. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ НА ВОСТОКЕ

Отношение к пространству и времени в восточных цивилизациях еще более отличалось от западного понимания этих категорий, нежели в мусульманском мире. В огромной мере это сказалось на урбанизме. Города существовали, и они были порой огромными, но вряд ли можно было говорить о свободе применительно к ним (Elisseeff, 2007:495–498; Elisseeff, 2006:253–256; Basham, 2007:186–189). Разумеется, были достижения и в сфере освоения морских пространств, а китайцами был создан компас, но они не были сравнимыми с западными, а главное ментально представители восточных культур не были готовы осваивать море (Elisseeff, 2007:498–503). В огромной мере именно это и стало основой покорения восточных стран Западом.

Для китайцев пространственная парадигма была понятной и легко объяснимой. В древности китайцы полагали, что существует пять сторон света. Кроме понимаемыми всеми севера, юга, запада и востока существует еще и центр — Чжун, который располагается прямо перед входом в небо, посему и Китай есть Серединное государство — Чжун го.

Поскольку в древности контакты с окружающим миром носили весьма специфический характер, а китайцы не стремились к общению с иностранцами, они свято верили в то, что их государство — Поднебесная империя — находится в центре мира. Собственно и сегодня, несмотря на все достижения науки в различных сферах, ментально китайцы позиционируют себя и свою страну так же, как и сотни лет тому назад.

В традиционном Китае время было циклично, оно не являлось последовательностью событий как равномерных отрезков бытия, текущих из прошлого через настоящее — в будущее. Марсель Гране утверждает, что в традиционном Китае вообще не было разработано понятие времени (Granet, 2008). Для китайцев время — это неоднородные отрезки, существующие в настоящем. На первый взгляд кажется, что собственно «прошлого» уже нет, а «будущего» еще нет. Но на самом деле существование проблемы именно в восприятии времени.

«Китайский язык не имеет спряжения... Этот язык не предназначен для того, чтобы проводить различие между временами, что собственно, и предлагается спряжением. Поэтому он не приводит к мысли о времени как родовом понятии, рожденном сочетанием времен... фактическое отсутствие спряжения, означает отсутствие морфологической связи временного пласта с глагольным, поэтому нет необходимости выбирать одну из временных модальностей, исключая другие» (Jullien, 2005:46–47).

Тем не менее, именно в Китае каждый исторический период имел именно то личное имя, которое было связано с жизнью императоров или династий, пра-

вивших в центре мира. Желание (далеко не всегда осуществимое) отгородиться от всего мира сформировало представление об идеальном замкнутом пространстве, которое наряду с цикличным временем конструировало модель китайского мира. И бытие, и небытие существовали в реальности, уход из жизни считался перемещением в другую реальность, в другое пространство и время. Китайский мыслитель, Хун Цзычэн, живший в XVI–XVII вв., писал: «Продолжительность времени зависит от нашего настроения. Размеры пространства обусловлены нашим сознанием. Поэтому, когда душа не в беспокойстве, один день равен тысяче веков, а когда помыслы широки, крохотная хижина вмещает в себя целый мир». Отсюда — неостребованность права, скептическое отношение к любым изменениям, и уж тем более — к прогрессу; ведь на свете нет ничего нового и нет необходимости устанавливать какие-либо новые социальные нормы, кроме тех, которые существовали веками. Китайское государство находилось в центре мира, а к праву следовало прибегать в исключительных случаях (Elisseeff, 2007:132–135)²⁰.

Темпоральные и событийные реальности находятся за пределами интересов индусов в их традиционной жизни — ведь даже представители низших варн мыслят категориями вечности и бесконечности. Поэтому в индийских литературных памятниках практически отсутствуют сведения о социальных условиях и политических событиях (McNeill, 2004:266–267), а отдельные куски классических литературных текстов, например Махабхараты и Рамаяны, могут быть без ущерба для общей канвы повествования переставлены местами. Для индусов конкретная дата и точное время не столь важны. Бывает, что индийские газеты выходят без указания даты — важно само событие, а не то, когда именно оно произошло (Pomerants, 1995:309).

В той же мере и по той же причине и право для классического Востока ценностью не является: в традиционной Индии право неизвестно: оно лишь носит обусловленный характер в между правилом письменным и правилом устным; история права в Китае — это история его отсутствия или его ограничения; термин «право», «обязанность» не имеют эквивалента в японском языке (Rouland, 2005:40–55). Перевод на японский язык словосочетания «гражданские права» привел к появлению странного для европейского уха неологизма «сила народа распоряжаться», что вызвало неоднозначную реакцию у японских правителей.

В целом для Востока характерно явление, которое можно назвать «западное проникновение без принципиальной абсорбции». Усваиваются некоторые внешние формы, усваиваются технологии, некоторые правовые феномены, но в целом мир не претерпевает кардинальных изменений. Это наиболее ярко про-

---

²⁰ Школа легистов, «фа-цзя» не приобрела особой любви, а ее сторонники, когда приходили к власти (в эпохи Ци и в Цинь), устанавливали крайне жестокие законы и наказания.

явилось в Японии, чья цивилизация столетиями была отголоском китайской. Японцы долгое время находились в полной изоляции от внешнего мира, и на то у них были веские основания²¹. Японцев совершенно не интересовало все, что происходило за пределами их островов, они резко ограничили общение с иностранцами, и только два голландских корабля имели права один раз в год посещать порт Нагасаки²². Ситуация резко изменилась в середине XIX в. Поняв, что изоляция ведет к застою и упадку, молодые реформаторы во главе с императором Муцухито произвели тотальную реконструкцию страны. Наряду с технологическими и социально-политическими преобразованиями произошли серьезные изменения и в ментальности японцев.

«Как прежде алчущие знания умы ходили по дорогам Древней Японии в поисках мудреца, который привел бы их к просветлению, молодые люди новой империи отправились через моря на далекий Запад. Они порывали с изоляцией, которая фактически или юридически была уделом любого японского подданного на протяжении четырех веков» (Elisseeff, 2006:216-217).

Начиная с реставрации Мэйдзи, японцы быстро усваивали и «творчески перерабатывали» буквально все достижения Запада — от чисто технологических, причем буквально во всех областях, до духовно-интеллектуальных²³. Восточная и западная ментальность в равной степени поощрялась в создаваемых в то время японских университетах. «Японский дух и западная наука» (закон *экай*) удачно дополняли друг друга» (Elisseeff, 2006:106).

Вторая половина XX в. показала, что и другие цивилизации Дальнего Востока, а также Индия с разной степенью интенсивности готовы идти по этому пути. Сегодняшняя открытость миру, высочайшие достижения в социально-экономической сфере, востребованность права, демократии, при сохранении традиционных ценностей, демонстрируемые Китаем, Южной Кореей, Сингапуром, другими странами дальневосточного региона, свидетельствуют о том, что в самое ближайшее время пространственный вектор прогресса сместится на Восток.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время сложно говорить о том, можно ли признавать современный Запад образцом для подражания всего мира. Желание видеть мир одно-

---

²¹ Дважды — в 1274 г. и в 1281 г. — войска хана Хубилая пытались захватить страну. Оба раза страну спасал божественный ветер — «камикадзе», тайфун, который, по мнению японцев, был ниспослан провидением.

²² При этом японцы называли голландцев «южными варварами», ибо корабли действительно прибывали в Нагасаки с юга, — настолько японцев не интересовал окружающий мир.

²³ В центре японской ментальности находится феномен «медзурасия» — любовь к чужому и новому.

полярным является теоретически необоснованным и политически неоправданным. Генри Киссинджер, которого сложно обвинить в антиамериканизме, в свое время заявил: «Международная система двадцать первого века будет состоять, по крайней мере, из шести основных держав — Соединенных Штатов, Европы, Китая, Японии, России и, возможно, Индии, а также множества средних и малых государств» (Kissinger, 1997:23–24). Реальность подтверждает правильность прогноза мэтра мировой политики.

Действительно, Запад сделал чрезвычайно много для развития мировой цивилизации. Вряд ли бы мир был таким, каков он есть, если бы не длительная, сложная кропотливая работа многих поколений, которые шли к сегодняшним достижениям через страдания, кровь, пот, интеллектуальные, ментальные и военные подвиги. «Выдвигаемый аргумент о том, что распространение по всему миру поп-культуры и потребительских товаров олицетворяет триумф западной цивилизации — это опошление западной культуры. Суть западной цивилизации — это *Magna Carta*, а не *Magna MacDonald's*. То, что жители не-Запада могут перекусить гамбургер, не подразумевает, что они примут первое» (Huntington, 2005:77–78).

Запад попытался осуществить политику мультикультурализма, что является своеобразной реакцией ответственности за политику колониализма. Сегодняшним и завтрашним временем в правовом и политическом пространстве Запад пытается ответить за свои имперские амбиции в прошлом. Социальные, экономические и политические достижения Запада стали настолько привлекательны, что вызвали волны миграции, сопоставимые с великим переселением народов. Облик западного мира стал меняться, западные лидеры «посадили на шею» западному налогоплательщику миллионы нахлебников, чей менталитет совершенно не соответствует западной трудовой этике, уважению к собственности (своей и чужой), значимости права и законопослушности, стремлению всего добиваться своим трудом и интеллектуальными способностями. Кроме того, современный западный мир включает в себя не только бывшие колониальные империи (Великобританию, Францию, Испанию, Португалию, Германию, Италию, Нидерланды, Бельгию), которые действительно проводили в разное время колониальную политику и ответственны за нее, но и те страны, которые в свое время в колониальном дележе мира участия не принимали. Отсюда и позиция стран, возникших на обломках Российской и Австро-Венгерской империй (Австрия, Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Словения, Хорватия и др.). Лидеры этих стран с большим скептицизмом относятся к западной миграционной политике, и не желают помогать мигрантам из Африки и Азии. Значительная часть из них полагает, что сегодня у них-то перед мигрантами нет никаких обязательств за те грехи, которые совершили в прошлом чужие политики других стран.

Таким образом, благодаря пространственному и темпоральному позиционированию явлений правовой культуры возможно понимание развития цивили-

зации как целостности, понимание параметров и направлений ее бытия. Приобретая правовой и политический смысл, эти параметры и направления способны определить вектор развития и локальных цивилизаций, и мировой цивилизации в целом, предсказать будущее мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Basham, A. (2007) *Drevnei Indii* [La Civilisation de l'Inde ancienne]. Translated from French Gavrilova, E. Ekaterinburg, U-Faktoriya. (in Russian)
Бэшем А. Цивилизация Древней Индии / пер. с фр. Е. Гавриловой. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
- Bloch, M. (2003) *Feodal'noe obshchestvo* [La Société féodale]. Translated from French Kozhevnikova, M. Yu. & Lysenko, E. M. Moscow, Sabashnikovykh publ. (in Russian)
Блок М. Феодальное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой, Е. М. Лысенко. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003.
- Elisseeff, D. & Elisseeff, V. (2006) *Yaponskaya tsivilizatsiya* [La Civilisation japonaise]. Translated from French El'fond, I. Ekaterinburg, U-Faktoriya. (in Russian)
Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация / пер. с фр. И. Эльфонд. Екатеринбург : У-Фактория, 2006.
- Elisseeff, D. & Elisseeff, V. (2007) *Tsivilizatsiya klassicheskogo Kitaya* [La Civilisation de la Chine classique]. Translated from French Loevskii, D. Ekaterinburg, U-Faktoriya. (in Russian)
Елисеефф В., Елисеефф Д. Цивилизация классического Китая / пер. с фр. Д. Лоевского. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
- Granet, M. (2008) *Kitaiskaya mysl' ot Konfutsiya do Laotszy* [La Pensée Chinoise]. Translated from French Iordanskii, V. B. Moscow, Respublika, Algoritm. (in Russian)
Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы / пер. с фр. В.Б. Иорданского М. : Республика; Алгоритм, 2008.
- Gurevich, A. Ya. (2005) *Individ i soisium na srednevekovom Zapade* [The individual and society in the medieval West]. Moscow, ROSSPEN. (in Russian)
Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М. : РОССПЭН, 2005.
- Hayek, F. A. (2006) *Law, Legislation and Liberty. A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy.* Translated from English Pinsker, B. & Kustarev, A. Moscow, IRISEN. (in Russian)
Хайек Ф.А. фон Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. М. : ИРИСЭН, 2006.
- Huizinga, J. (2016) *Osen' Srednevekov'ya* [Heresttij der Middeleeuwen]. Translated from Dutch Sil'vestrov, D. V. Saint Petersburg, Ivan Limbakh publ. (in Russian)
Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016.
- Huntington, S. (2005) *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Translated from English Novikov, Yu., Krivtsova, E. & Velimeev, T. Moscow, Midgard, AST. (in Russian)
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова, Е. Кривцовой, Т. Велимеева. М. : Мидгард, АСТ, 2005.

- Jullien, F. (2005) *O «vremeni». Elementy filosofii «zhit'»* [Du «temps». Elements d'une philosophie du vivre]. Translated from French Lysenko, V. G. Moscow, Progress-Traditsiya. (in Russian)
Жюльен Ф. «Времени». Элементы философии «жить» / пер. с фр. В.Г. Лысенко. М. : Прогресс-Традиция, 2005.
- Kissinger, H. (1997) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English L'vov, V. V. Moscow, Ladomir. (in Russian)
Киссинджер Г.А. Дипломатия / пер. с англ. В.В. Львова. М. : Ладомир, 1997.
- Klyuchevskii, V. O. (1987) *Sobranie sochinenii v devyati tomakh. Kurs russkoi istorii* [Collected Works in Nine Volumes. Course of Russian History]. Vol. 1. Moscow, Mysl'. (in Russian)
Ключевский В.О. Собрание сочинений в девяти томах. Курс русской истории. Т. 1. М. : Мысль, 1987.
- Le Goff, J. (2005) *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [La civilisation de l'Occident médiéval]. Translated from French Gurevich, A. Ya. Ekaterinburg, U-Faktoriya. (in Russian)
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. А. Я. Гуревича. Екатеринбург : У-Фактория, 2005
- Le Goff, J. (2007) *Rozhdenie Evropy* [L'Europe est-elle née au Moyen Age?]. Translated from French Popova, A. Saint Petersburg, ALEXANDRIA, 2007. (in Russian)
Ле Гофф Ж. Рождение Европы / пер. с фр. А. Поповой. СПб. : ALEXANDRIA, 2007.
- Malakhov, V. P. (2013) *Mify sovremennoi pravovoi teorii* [Myths of Modern Legal Theory]. Moscow, YuNITI-DANA. (in Russian)
Малахов В.П. Мифы современной правовой теории М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
- Mansuelli, G. A. (2007) *Tsivilizatsii drevnei Evropy* [Les Civilisations de l'Europe ancienne]. Translated from French Abramov, E. Ekaterinburg, U-Faktoriya. (in Russian)
Мансуэлли Г. Цивилизации древней Европы / пер. с фр. Е. Абрамова. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
- McNeill, W. H. (2004) *Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [The Rise of the West. A History of the Human Community with a Retrospective Essay]. Translated from English Galushka, A. Marichev, E. T., Miram, G. E. & Petrov, V. K. Kiev, Nika-Center, Moscow, Starklayt. (in Russian)
Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества / пер. с англ. А. Галушка, Е. Т. Маричев, Г. Э. Мирам, В.К. Петров. Киев : Ника-Центр; М. : Старклайт, 2004.
- Meccarelli, M. & Solla Sastre. M. J. (2016) Spatial and Temporal Dimensions for Legal History: An Introduction. In: Meccarelli, M. & Solla Sastre, M. J. (eds.) (2016) *Spatial and Temporal Dimensions for Legal History. Research Experiences and Itineraries*. Frankfurt am Main, Max Planck Institute for European Legal History, pp. 3–24. Available from: doi:10.12946/gplh6.
- Podvoisky, D.G. (2005) *Antinomiya «Rossiya — Zapad» i problema sotsiokul'turnoi samobytnosti* [Antinomy «Russia — the West» and Problem of Social and Cultural Identity]. Moscow, RUDN.
Подвойский Д.Г. Антиномия «Россия — Запад» и проблема социокультурной самобытности. М. : РУДН, 2005. (in Russian)
- Pomerants, G. S. (1995) *Vykhod iz transa* [Exit from Trance]. Moscow, Yurist. (in Russian)
Померанц Г.С. Выход из транса. М. : Юрист, 1995.
- Rokkan, S. (1975) Dimensions of State Formation and Nation-Building: A Possible Par-adigm for Research on Variations within Europe. In: Tilly, Ch. & Ardant, G. (eds.) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, N.J., Princeton University Press, pp. 562–600.

- Rouland, N. (2005) *Istoricheskoe vvedenie v pravo* [Introduction historique au droit]. Translated from French Voronov, A. B. Moscow, Nota Bene. (in Russian)
Рулан Н. Историческое введение в право / пер. с фр. А. Б. Воронова. М. : Nota Bene., 2005.
- Uspenskii, B.A. (2002.) *Etyudy o russkoi istorii* [Etudes on Russian History]. Saint Petersburg, Azbuka. (in Russian)
Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002.
- Verle, A. V. (2005) Prostranstvo proshlogo: ritm — kontekst — sobytie [The Space of the Past: Rhythm — Context — Event]. In: Kusun, I. V (ed.) *Modusy vremeni: sotsial'no-filosofskii analiz: sbornik statei* [Modes of Time: Socio-Philosophical Analysis]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet publ. pp. 79-90. (in Russian)
Верле А.В. Пространство прошлого: ритм — контекст — событие // Модусы времени: социально-философский анализ: сборник статей / под. ред. И.В. Кузина. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2005. С. 79–90.
- Wieacker, F. (1990) Foundations of European Legal Culture. *The American Journal of Comparative Law*. 38 (1), 1–29.
- Wollheim, R. (1958) Democracy. *Journal of the History of Ideas*. 19 (2), 225–242.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сигалов Константин Елизарович, доктор юридических наук, доцент, заместитель директора, Институт проблем эффективного государства и гражданского общества, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

ORCID ID: 0000-0002-6864-8570

Контактная информация:

e-mail: Sigalovconst@mail.ru

Для цитирования:

Сигалов К.Е. Пространственные и темпоральные основания освоения правовой цивилизации: покорение или абсорбция // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22. № 1. С. 42–65, doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-42-65

THE SPATIAL AND TEMPORAL GROUNDS OF LEGAL CIVILIZATION DEVELOPMENT: CONCENTRATION OR ABSORPTION

Konstantin E. Sigalov

Financial University under the Government of the Russian Federation
Institute of Effective State and civil society
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993

The law, like everything in nature and society, is subordinated to universal forms of existence of the material world. At the same time, the general characteristics of objective reality, the most important forms of existence such as space and time determine the essence and specific features of the law formation and development in different regions.

First, the Article reveals the features of the legal space. The space is chorus of significant interrelations, the way of organization, the «scale» of the influence of legal remedies on social life, etc. The

space contributes to the understanding of the law environment as integrity, also due to the space a common language and general rules are possible. For human history the geographical space is permanent and almost unchanged. However, the social practice is becoming less and less dependent only on these conditions. On the basis of his practice, a person seeks to change the social life and the substance of culture. The variety of legal systems is due to various reasons. The Natural and geographical factors, features of civilizational technologies determine the different conditions and needs of life of different countries and communities.

Second, the article defines the specificity of the legal time. The time and law are fundamental categories of humanitarian knowledge. At first sight, these categories are not quite proportionate: the time is a category related to all inanimate and living matter, to social phenomena, and also to cognition; the law reflects solely the form of existence of social reality. Nevertheless, in the social sphere and in the field of normativity, the time and law are similar to consider their role in the people's lives. The effect of the law is connected with the effect of the time, because the law specifies the basis for possible behavior.

The spatial-temporal characteristics cut across the legal culture and legal life.

Key words: law; space; time; civilization; progress; the Antiquity; the Middle Ages, West; East; absorption of culture

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin E. Sigalov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Effective State and Civil Society, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0002-6864-8570

Contact information:

e-mail: Sigalovconst@mail.ru

For citation:

Sigalov, K. E. (2018) Prostranstvennye i temporal'nye osnovaniya osvoeniya pravovoi tsivilizatsii: pokorenie ili absorbtziya [The Spatial and Temporal Grounds of Legal Civilization Development: Concentration or Absorption]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. 22 (1), 42–65. Available from: doi:10.22363/2313-2337-2018-22-1-42-65.